

изменению порядка вещей, перестает быть средством коммуникации, усиленным приемом риторики. Она становится технологией, позволяющей нечто внушать людям и гипнотизировать их в массовом масштабе. Иначе говоря, средством серийно производить массы, так же как как промышленность серийно производит автомобили или пушки. Становится понятным, почему без нее нельзя обойтись и почему она так чудовищно действенна.

V

С очевидностью можно утверждать, что область психологии толп, и это определяет ее новизну, отмечена тремя открытиями: А) массы представляют собой социальный феномен; В) внушение объясняет растворение индивидов в массе; С) гипноз является моделью поведения вождя в массе. Эти открытия превратили совокупность диковинных явлений, исключений, второстепенных фактов в исключительно важные факторы действительности и в предмет науки. Они позволили Ле Бону наметить первый вариант системы психологии толп. Она содержит некоторые особенно значительные идеи, в частности следующие:

1. Толпа в психологическом смысле является человеческой совокупностью, обладающей психической общностью, а не скоплением людей, собранных в одном месте.

2. Индивид действует, как и масса, но первый — сознательно, а вторая — неосознанно. Поскольку сознание индивидуально, а бессознательное коллективно.

3. Толпы консервативны, несмотря на их революционный обиход действий. Они всегда кончают восстановлением того, что они низвергли, так как для них, как и для всех, находящихся в состоянии гипноза, прошлое гораздо более значимо, чем настоящее.

4. Массы, каковы бы ни были их культура, доктрина или социальное положение, нуждаются в поддержке вождя. Он не убеждает их с помощью доводов рассудка, не добивается подчинения силой. Он пленяет их как гипнотизер своим авторитетом.

5. Пропаганда (или коммуникация) имеет иррациональную основу, коллективные убеждения и инструмент — внушение на небольшом расстоянии или на отдалении. Большая часть наших действий является следствием убеждений. Критический ум, отсутствие убежденности и страсти являются двумя препятствиями к действию. Внушение может их преодолеть, именно поэтому пропаганда, адресованная массам, должна использовать язык аллегорий — энергичный и образный, с простыми и повелительными формулировками.

6. Политика, целью которой является управление массами (партией, классом, нацией), по необходимости является политической, не чуждой фантазии⁹¹. Она должна опираться на какую-то высшую идею (революции, родины), даже своего рода идефикс, которую внедряют и взращивают в сознании каждого человека массы, пока не внушат ее. Впоследствии она превращается в коллективные образы и действия.

Эти важнейшие идеи выражают определенное представление о человеческой природе, скрытое, пока мы в одиночестве, и являющееся о себе, когда мы собираемся вместе. Психология толп прежде всего пытается быть наукой о них, а не об обществе или истории.

Глава VI

Психическая жизнь толп

I

Толпы пребывают, надо полагать, в состоянии, близком к гипнотическому, под воздействием того странного дурмана, который в каждом вызывает смутное желание влиться в общую массу. Он освобождает человека от груза одиночества. Он его переносит в мир коллективного упоения и торжествующих инстинктов, где он испытывает эйфорическое чувство всемогущества. «Эта несканная оргия, эта святая пророчица души», — говорил Бодлер о тех, кто попадает в такую «массовую баню».

Итак, что же происходит, когда каждый приглушает то индивидуальное, что у него есть, для того, чтобы до крайней степени возбуждать коллективную часть своего «Я»? Для того, чтобы это объяснить, нужно понять, как, согласно психологии толп, функционирует психический аппарат. Он делится на две части: сознательную и бессознательную. Сознательная часть имеется у каждого человека, она формируется в течение жизни и по-разному представлена у различных людей. Одни люди отличаются более богатой жизнью сознания, другие менее. Напротив, бессознательная часть является врожденной, она общая для всех и равномерно представлена в обществе. Первая очень тонкая и временная, она представляет собой лишь частичку второй, которая массивна и долговременна. Если бессознательная жизнь имеет на нас такое колоссальное влияние, если она без нашего ведома господствует над нами, это потому, что такой отягощенной

грузом инстинктов, желаний, верований мы унаследовали ее от наших прародителей.

Посмотрим и теперь, что происходит в группе, где люди находятся в состоянии взаимного внушающего воздействия. Они стремятся подчеркивать то, что их сближает, то, что было у них общего до того, как они встретились. Каждый из них сводит к минимуму свое личностное начало, которое могло бы привести к риску противостояния. Таким образом, в ходе контактов и взаимодействиях они все больше и больше стирают, сглаживают ту сознательную часть, которая их разделяет и делает непохожими друг на друга. А часть, в которой они сходятся, поскольку она обща для них, завоевывает территорию. Точно так же люди, которые долгое время живут вместе, опираются на то, что их сближает, и отсеивают то, что их разделяет.

Психическое единство толп, которое является результатом этого, не имеет иного интеллектуального и эмоционального содержания, как именно это бессознательное, вошедшее в дух и тело людей. А именно, верования, унаследованные традиции, обыкновенные желания, дорогие Малларме *«родовые слова»* и так далее. Но предоставим лучше Ле Бону самому подвести итог этому разложению сознаний и личностей:

«Итак, утрата сознательной личности, господство неосознающей личности, ориентация, посредством заражения, чувств и идей в одном направлении, тенденция немедленно превращать внушенные идеи в действия — таковы основные черты индивиду в толпе. Это уже не он сам, а автомат, управляющий которым его собственная воля бессильна»⁹¹.

Итак, человек выходит за рамки человеческого состояния только через единственную дверь, и она открывается в бессознательное. Масса влечет к себе, как магнит, притягивающий железные опилки. Она удерживает благодаря своей действительной иррациональной энергии. В нее включены также и рациональные силы, и это соотношение меняется, смотря по обстоятельствам. Но успешность растворения индивида в массе предполагает, чтобы все было приведено в действие для высвобождения иррациональных тенденций. Эта идея психологии масс сразу получила огромный резонанс. Целому поколению она внушила иные способы мобилизации людей и управления ими. А в науке она стала следующим постулатом: *все, что является коллективным, неосознанно, и все, что бессознательно, является коллективным*. Первая часть, как мы уже убедились, принадлежит Ле

Бону⁹², и он извлек из нее всевозможные практические следствия. Второй частью мы обязаны Фрейдю. Он формулирует ее как самоочевидный ответ на риторический вопрос:

«Не является ли содержание бессознательного в любом случае коллективным? Не составляет ли оно общее достояние человечества?»⁹³.

Необходимо постоянно иметь в виду этот постулат и проникнуться им. Это — ключ к психической жизни толп в такой же мере, как постулат сохранения энергии является ключом к природе. Нас, разумеется, интересуют все грани этой жизни. Но почитать, как мыслят толпы, как мыслит человек-масса, представляет особый интерес. Для того, чтобы сделать это, нам нужно также допустить, как мы уже это делали раньше, что толпа чувствует и мыслит иначе, чем отдельный индивид, подобно тому, как человек в состоянии гипноза мыслит иначе, чем в состоянии бодрствования. Мы с вами так наглядно наблюдали это различие, что едва ли нужно убеждать в его существовании.

II

Итак, как мыслит толпа? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно предположить существование иных законов, чем законы разуму. Поскольку разум, свойственный отдельному человеку, не обладает возможностью поддерживать активность и побуждать верить во что-то. Здесь есть предел, и Паскаль предупреждал нас об этом:

«Так что не нужно заблуждаться насчет самих себя: мы одновременно автоматы и разумные существа; а отсюда следует, что убеждение формируется не на основе доказательства. Как мало вещей доказанных! Доводы действуют только на рассудок. Обычай делает доводы наиболее сильными и наиболее резкими; он пробуждает автоматизм, который увлекает за собой разум, не замечаящий этого».

Психология толп в свою очередь обнаружила контраст (это неизбежно) между мышлением индивидов, сознательным от начала до конца, и мышлением толп, в большинстве своем бессознательным, которое *«увлекает за собой рассудок, не замечаящий этого»*. В обыденной жизни себя обнаруживает именно первое. У человека в состоянии гипноза — второе. С помощью этой аналогии Ле Бон переносит наблюдения, сделанные над людьми в состоянии гипноза на толпы. Я рассмотрю сейчас, один за другим,

различные аспекты обоих типов мышления, легко узнаваемые и иллюстрируемые по контрасту.

Мышление индивидов было бы мышлением *критическим*, то есть логическим, использующим идеи-понятия, в большинстве своем абстрактные. Оно описывает предметы и объясняет события с помощью теорий, соединяющих понятия в цепочку суждений, которые мы можем обсуждать и уточнять в свете наблюдений и известных фактов. Это потому, что мы чувствительны к противоречиям между ними, к расхождению между нашими суждениями и реальностью. Устраняя противоречия, мы приходим к логичному видению фактов, которые мы изучаем, и методов, которые мы используем. Кроме всего прочего, это мышление независимо от времени. Последовательный ход идей определяется только логическими законами. Он не зависит ни от наших воспоминаний о прошлом, ни от заключений, к которым мы хотим прийти. Оно целиком обращено к реальности, которая единственная в конце концов принимается в расчет. Именно поэтому мы ставим его под сомнение, мы обсуждаем его пункт за пунктом, иногда в полемической форме. Доказательства мы проверяем повторными опытами. Опыт все решает и выносит свой вердикт. В конечном счете, ничего не принимается без доказательств. Итак, это мышление объективное.

Напротив, мышление толпы было бы *автоматическим*. Над ним господствуют стереотипные ассоциации, клише, глубоко сидящие в памяти. Она пользуется конкретными образами. Ле Бон бестрептанно повторяет в разных вариантах, что массы неспособны к абстрактным суждениям. Бесполезно, следовательно, обращаться к ним, взывая к качеству, которым они не обладают. В одной из своих тирад, которые у писателей играют ту же роль, что у адвокатов эффектные жесты, он пишет:

«Последовательность строгих суждений была бы абсолютно непонятна толпам, и именно поэтому допустимо говорить, что они мало рассуждают или рассуждают неверно и что они не поддаются воздействию рассудка. Нас порой при чтении удивляет неуверительность некоторых речей, оказавших колоссальное влияние на их поведение; но мы забываем, что они произносились для того, чтобы увлечь массы, а не для прочтения их философами»⁹⁴.

Не кажется ли, что мы слушаем адвоката, доказывающего в суде недееспособность своего подзащитного, адресуя нарек суду, состоящему из людей здравомыслящих, «философов»?

Если эти противоречивые речи произвели такое впечатление, значит, нужно искать причину этого в способности вызывать образы, преобразовывать звуки в наглядные знаки, слова — в воспоминания, а имена — в персонажи. В общем, толпы мыслят мир не таким, каков он есть, а таким, каким их заставляют его видеть, таким, каким они его себе представляют. Они никак не влияют на действительность и удовлетворяются ее видимостью. Не то, чтобы они ее избегали, нет, они просто не понимают разницы между видимостью и действительностью. Истина безнадёжно ускользает от них. Они подменяют реальность, которую переносят с большим трудом, представлением; непрерывное настоящее — прошлым. «В истории, — отмечает Ле Бон, — *видимость всегда играла куда более важную роль, чем действительность*. *Нереальное здесь господствует над реальным*»⁹⁵. Мышление толп — это всегда мышление уже виденного и уже известного. Вот почему, когда мы попадаем, как рыбы, в сеть толпы и начинаем грезить наяву, идеи проникают в наше сознание в виде конкретных схем, клише и других представлений.

Никто не взял на себя труда подтвердить эти резкие утверждения. Они, конечно, не могут быть абсолютно ложными посылку, поскольку массовая коммуникация или политическая пропаганда ежедневно с успехом используют их. Они опираются на солидную традицию. Еще святой Фома Аквинский утверждал: *Nihil potest homo intelligere sine phantasmata*, человек ничего не может понять без образов (как и без иллюзий). Это повторяет и Джордано Бруно: «Мыслить — значит размышлять в образах». Исследования гипноза, похоже, свидетельствуют о том, что внушенные идеи связываются с действительными образами прежде, чем выразиться в действиях. Однако подборка даже вполне вероятных предположений еще не является доказательством, я легко с этим соглашусь.

III

Эта оговорка не должна нам помешать идти дальше. Итак, проанализируем, как фабрикуется автоматическая мысль и как «рассуждают» посредством образов. Надо сказать, что до сих пор этот предмет остается очень слабо изученным и суждения, которые я выдвину, будут крайне неполными. Тем не менее, мы кое-что знаем, чтобы говорить о нем. Можно сразу выделить два процесса: наложение и проекцию.

Наложение соединяет случайные идеи-образы, которые сплетаются одна с другой на основе внешних признаков. Однажды

наложенные друг на друга, они приобретают видимость рассуждения, которое быстро перескакивает от посылки к выводу, от части к целому, не проходя промежуточных этапов. Пример, приводимый Ле Боном, заслуживает того, чтобы процитировать его *in extenso*, так как он многое скажет нам и об авторе, и о той форме мышления, которую он хотел показать.

«Они (он говорит об идеях-образах) соединяются таким же образом, как и у эскимоса, который, зная из опыта, что лед, прозрачное тело, тает во рту, делает из этого вывод, что стекло, тело тоже прозрачное, также должно таять во рту; или как у дикаря, который воображает, что, поедая сердце храброго врага, он сам становится отважным; или так же, как у рабочего, который, будучи эксплуатируемым одним хозяином, делает из этого вывод, что все хозяева — эксплуататоры»⁹⁶.

Можно задаться вопросом, исходя из какой стереотипной ассоциации, послужившей ему отправной точкой, Ле Бон соединяет свои собственные идеи, чтобы заключить, что рабочий — это дикарь! Его рассуждение представляет собой блестящий пример автоматического мышления. Он выбирает и нагромождает ряд клише и составляет из них образ примитивной массы трудящихся. Коллаж художников, которые, чтобы сделать пологно, располагают рядом накладывающиеся друг на друга фрагменты фотографий, газет, рисунков и т. д., хорошо иллюстрирует то, что называется наложением.

Проекция выражает бессилие толп в разграничении реальности и представления о ней, в различении желаемого и действительного. Из-за неспособности это разводить, толпа, не осознавая того, проецирует вовне свои внутренние идеи-образы. Она рассматривает как внешнюю данность событие, являющееся не более чем продуктом ее желаний и фантазии. Она попросту принимает свой стремление за реальные события и действует соответствующим образом. Примером может быть кризисная ситуация или обстановка паники. Исходя из слабых признаков, толпа уверяет сама себя, что существует некая угроза, исходящая от той или иной группы, например, евреев или негров. Она приписывает им несуществующие преступления (ритуальные убийства, изнасилования и так далее), раздувает слухи и пускается в погромы или линчевания. Тот же прием работает и для создания легенд вокруг персон, вызывающих особое восхищение. Они дополняются волнующими эпизодами — для французов это мученичество Наполеона на острове Святой Елены, для христиан это

распятие Христа и так далее, — где он предстает таким, каким его хотят видеть, а не таким, каким он был. Сейчас мы присутствуем при зарождении легенды вокруг «*Де Голля из народа*». Какой-нибудь будущий Бальзак поведает о ней, как Бальзак описал с натуры «*Наполеона из народа*».

«Образы, вызванные в их сознании персонажем, событием, происшествием, обладают, — полагает Ле Бон, — живостью вещей почти реальных. Толпы пребывают отчасти в положении спящего человека, разум которого, какое-то время бездействуя, уступает место образам невероятной интенсивности, но мгновенно рассеивающимся при попытке самонаблюдения»⁹⁷.

Это то, что может произойти, когда толпа разбегается. Тогда человеческий рассудок берет верх. Пока что он все принимал некритично, пытаясь обосновать свои суждения не согласно опыту, а в согласии с большинством. Последнее всегда уводит его от действительности; оно обладает чрезвычайной силой убеждения, и человек в толпе не может ему противостоять.

Постоянное смещение внутреннего мира с миром внешним является особенностью автоматического мышления. И если оно остается помехой для рефлексии, то для практики оно обладает преимуществом, поскольку позволяет перейти прямо от идеи к действию, соскользнуть с воображаемого на реальное. Доказательством этому могли бы быть эпизоды наподобие следующего:

«Часто рассказывают историю о народном драматическом театре, вынужденном охранять выход актера, исполняющего роль предателя, чтобы оградить его от агрессивных выпадов зрителей, возмущенных его воображаемыми преступлениями. В этом, я полагаю, один из наиболее заметных признаков психического состояния толп и особенно их способности подвергаться внушению. Нереальное в их глазах имеет почти такую же значимость, что и реальное. Им свойственна явная тенденция не отличать одно от другого»⁹⁸.

IV

Нагромождает ли автоматическая мысль идеи-образы или проецирует их, в обоих случаях она ничуть не озабочена своей строгостью или связностью. Она обеспечивает более важный уровень благодаря верованиям и чувствам, которые определяют ее течение, как шлюзы определяют течение реки. Главное для нее, насколько это возможно, придерживаться конкретного, пережитого.

Произнесенное слово, определенный образ важной особы вызывает мгновенную реакцию. Она отличается от критического мышления тремя основными чертами: безразличием к противоречию, жизненностью и повтором.

Безразличие к противоречию наблюдается постольку, поскольку толпа беззастенчиво принимает и смешивает идеи, которые не вяжутся друг с другом — шовинистические и социалистические, идеи братства и ненависти и т. д., — ни в малейшей степени не смущаясь их нелогичностью или словесным нонсенсом. Надо полагать также, что эти искажения, привнесенные в разум, придают ему своего рода таинственность, сообщают ему дополнительную авторитетность, как в этом размышлении Мао:

«В народе демократия соотносима с централизмом, свобода — с дисциплиной».

Бросая вызов принципам элементарной логики, понятие может сочетаться со своей противоположностью. Такая нечувствительность к противоречию объясняет тот факт, что масса может перейти от сегодня к завтра, от одного мнения к мнению диаметрально противоположному, даже не заметив этого или, заметив, не попытаться это исправить. Виражи, перестройки, непоследовательность партии или движения проносятся поверх людских голов, увлекая их в своем вихре. Все это объясняет ту легкость, ту беззастенчивость, с которой они противоречат сами себе, производя резкие перемены.

«Никакой логической связи, никакой аналогии или преемственности, — утверждает Ле Бон, — не связывает эти идеи-образы между собой, они могут сменяться одни другими, как стекла волшебного фонаря, которые вынули из коробки, где они были наложены друг на друга. Так и в толпах можно видеть, как самые противоречивые идеи сменяют друг друга по воле мимолетной случайности. Толпа будет находиться под влиянием одной из этих разных идей, скопившихся в ее рассудке, и совершать самые противоречивые действия. Полное отсутствие критического разума не позволяет ей замечать противоречий»⁹⁹.

С позиций общественной жизни это не объясняет, почему члены партии и избиратели остаются верными ей, несмотря на частые смены курса, вопреки тому, что по четным дням она говорит одно, а по нечетным — совсем другое и объясняет врагами своих вчерашних союзников, — история взаимоотношений между социалистами и коммунистами уже полвека иллюстрирует это.

Но тот факт, что массы нечувствительны к этим противоречиям, попросту не замечают этих виражей, является важным историческим фактором.

Шекспир поразительно точно проиллюстрировал это с некоторой, если угодно, театральностью, но в абсолютном соответствии с исторической правдой, сообщенной Плутархом. В его драме «*Юлий Цезарь*» толпа устраивает овацию Бруту, который с помощью безукоризненно логических доводов объясняет, почему он предал смерти Цезаря. «*Хотят он и Цезарь*», объявляет один из его горячих сторонников. А мгновение спустя та же толпа, распаленная Марком Антонием, жаждет убить Брута и его друзей, изменников родины. Несколько образов было достаточно, чтобы вызвать желаемые эмоции: продырявленный и залитый кровью плащ — настоящая реликвия; изреченное удачами тело — завещание, которым Цезарь передает свою ответственность народу, и это почтительное слово, повторенное с оскорбительной иронией, которое звучит насмешкой над человеком чести, коим считает себя Брут. С одной стороны, высшие соображения и ослепление в том, что касается человека, политического животного; с другой, магия необузданных образов и разгулявшихся страстей, искусство оратора, который играет на настроении толпы, как на инструменте, из которого он по своей прихоти извлекает то звуки любви, то ярости, то ненависти!

Жизненность — это интуитивная способность, позволяющая выбрать решающую для массы идею из возможных. Ясно выраженная, живо заинтересовывающая, она пробуждает близкие каждому воспоминания. Она немедленно вызывает в сознании отсутствующую личность или предмет. Если вы слышите «*Де Голль*», перед вашими глазами возникает его высокая фигура, его размеренная поступь и отстраненный взгляд. Понятие «*нацист*» вызывает в вашем сознании толпу, марширующую строем, вскидывающую руки в гитлеровском приветствии, выкрикивающую лозунги на фоне знамен со свастикой, сжигающую книги или людей.

Ее сила состоит не в том, чтобы доказать, а в том, чтобы показать контраст между идеей жизненной и не вполне. Она не просвещает, а захватывает. Для того, кто это сознает, «*это говорит*», так как она напрямую относится к знакомой личности или к обыкновенному предмету. Эти свойства закрепляют ее в памяти и способствуют частому употреблению. С последствиями, которые сбивают с толку. Определенный тип знаний, насыщенных информацией, останется мертвой буквой, поскольку им недостает

этой эмоциональной окрашенности. Если вы слушаете речь, перегруженную цифрами и статистическими данными, вы заскучаете и затрудняетесь понять, в чем же вас хотели убедить. Несколько колоритных образов, ярких аналогий или же фильм, комикс гораздо сильнее действуют на воображение и получают эмоциональный отклик.

Когда речь идет о толпах, «которые немного напоминают спящего», для того, чтобы поразить их воображение, нужно преувеличивать, используя утрирование в аргументации, эффектные примеры, броские обобщения. По поговорке: «Что чрезмерно, то ложно». Для толп же было бы верно обратное: «Что чрезмерно — то верно», так, по крайней мере, случается.

Древние авторы учили, что разум и память можно подвергнуть эмоциональному шоку с помощью необычных и ярких образов, прекрасных или уродливых, комических или трагических. А для того, чтобы себя подать, необходимо, чтобы личность имела выдающиеся черты, выходящие за рамки привычного особенностями; нужно, чтобы она была подобна какой-то исключительной фигуре: герою или предателю, пережила необычные приключения и побывала в экстремальных ситуациях. При этом условии идеи или люди становятся для толпы действующими образами. Образами, которые можно прописывать, как лекарство, в больших дозах и часто.

«Все, что поражает, — утверждает Ле Бон, — является в форме захватывающего и цельного образа, свободного от неизбежной интерпретации или не имеющего иного сопровождения, кроме нескольких удивительных фактов: великая победа, великое чудо, великое преступление, великая надежда. Следует представлять вещи целиком, никогда не вдаваясь в их происхождение. Сотня мелких преступлений или сотня маленьких происшествий никак не действует на воображение толпы, в то время как одно единственное значительное преступление, одна катастрофа глубоко поражают их даже с истодами куда менее разрушительными, чем эта сотня мелких происшествий вместе взятых¹⁰⁰».

Надо полагать, что идея-образ содержит в себе заряд воспоминаний не меньший, чем бомба взрывной мощи. Она пробивает фильтры памяти и выносит на поверхность то, что обычно подавлено и спрятано.

Повторяемость обладает особым качеством превращать идею-понятие в идею-действие. Абстрактное содержание первой переходит в конкретное содержание второй. Для того, чтобы стать обще-

доступными, доктрины и теории должны отказываться от того, что составляет их отличительную особенность: цепочки рассуждений, строгости языка. Иначе не может быть. У толп нет ни времени, ни необходимых условий, чтобы изучать все аргументы, взвешивать все «за» и «против», уточнять все факты. Кроме того, всегда будучи, как мы видели, разнородными, они редко опираются на познания. Парадоксально, и на это стоит обратить внимание, что сами места, где их собирают или где они устраивают манифестации — митинги, съезды, собрания, шествия, обычно проходят на городских площадях, стадионах, на улицах — то есть те места, где их лидеры якобы желают проинформировать и проинструктировать их, совершенно противоречат своему назначению. В этих местах есть все, чтобы производить внушающее воздействие и слишком мало для рассудочного. Толпы могут здесь слушать выразителей их чаяний, видеть их и друг друга, возмущаться, восторгаться и так далее — все, что угодно, только не размышлять, поскольку они низведены до уровня элементарного мышления и простейших чувств. Для того, чтобы прижиться на этом уровне, идеи обязательно должны упроститься, факты или их содержательная наполненность — стуситься, приняв образную форму.

«Какими бы ни были идеи, внушаемые толпам, — утверждает Ле Бон, — они могут стать господствующими только при условии их облачения в простейшую форму и внедрения в сознание в виде образов¹⁰¹».

Идеи, конечно же, упрощаются и, будучи повторяемыми, становятся доступными для всех, совершенно так же, как автомобили и станки, воспроизведенные в тысячах экземпляров, становятся более одинарными и дешевыми. Их может использовать кто угодно, тогда как поначалу был необходим специалист-инженер или механик. Таким образом, сведенные к формуле, они захватывают воображение. Естественный отбор? — «Выживание сильнейших». Социализм? — «Классовая борьба», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Кто знает формулу, тот, кажется, владеет ключом к пониманию и решению самых сложных проблем наиболее простыми средствами.

Сведенные к нескольким элементарным предложениям, часто и долго повторяемые, они воздействуют на глубинные мотивы нашего поведения и автоматически его запускают. Именно такая функция лозунгов, призывов, выраженных в наиболее краткой форме. То же касается показательных или чрезвычайных фактов — революция, запуск первых космических ракет, — они

поражают и способствуют внушению образа, который захватывает и неотступно преследует сознание.

Конечно, здесь существует нечто большее, чем аналогия, этого нельзя не признать, между этим автоматическим мышлением — с его нечувствительностью к противоречию, жизненностью и вторичностью — и символическим мышлением. Второе свойственно нашим мечтаньям, которым мы предаемся, в одиночестве засыпая в своей постели, а первое свойственно видениям наяву, которыми предается масса в состоянии внушения. Здесь и там сон размывает сознание и рассудок. Если выразиться категоричнее, толпы существуют автоматически. Они восприимчивы к тому, что поражает их память, они реагируют на конкретные аспекты абстрактной идеи. Они предпочитают получить простой, часто повторяющийся ответ на сложный вопрос, ответ как бы разубагающий гордиев узел. Итак, в идеале им нужно предподносить решение еще до того, как они взяли на себя труд выслушать проблему. Короче говоря, логика толпы начинается там, где логика индивида заканчивается.

V

Выше мы определили качества автоматического мышления. Мы утверждали, что оно выражает восприимчивость к стойким, стереотипизованным и повторяющимся образам. Но на эту восприимчивость влияет, наконец, и внушающая сила слов. Отсюда и чрезвычайная важность их подбора. Он относится не к точности выражения или ясности информации, заложенной в том или ином слове, а к численности и силе образов, которые оно вызывает в сознании толп, вне какой-либо зависимости от их действительного значения.

«Те, смысл которых менее всего определен, порой обладают, — утверждает Ле Бон, — наибольшей действительностью. Таковы, например, термины: демократия, социализм, равенство, братство и т. п., чей смысл остается таким туманным, что пухлых томов недостаточно, чтобы его прояснить. И все же действительно магическая сила связана с произнесением слов, как если бы они содержали решение всех проблем. Они соединяют в себе неосознанные и многообразные чаяния и надежды на их осуществление»¹⁰².

Когда вождь намеревается мобилизовать толпу, ему необходимо использовать такие слова. Если он употребляет слова обычного языка, он должен учитывать смысл, который они имеют

именно в данный момент. Некоторые могли обещать — боги, честь — и утратить свою побудительную силу. Другие еще слишком молоды, чересчур новы для того, чтобы пробудить отклик. Вождь или государственный деятель должен постараться найти «говорящие» слова, как-то окрестить вещи, любимые или ненавидимые массами, сжав их в краткие формулировки. Тем самым кристаллизуется их воображение, поскольку

«определенные слова в какой-то момент притягивают к себе определенные образы: слово — это не более чем кнопка вызова, которая заставляет их появиться»¹⁰³.

За возникшим образом сразу следует действие. Ле Бон испытывает глубокое доверие к языку. Разумеется, не как к инструменту рефлексии или способу коммуникации, а как к средству передачи словесного внушения. Он приписывает слову, надлежащему использованию слов и формулировок магическую силу. В каких случаях язык обладает таким качеством, чем оно объясняется? Своей способностью пробуждать в массах сильные чувства и стойкие убеждения. Иначе говоря, в тех случаях, когда язык связывает настоящее с прошлым, подкрепляет актуальные идеи прежними эмоциями и переносит старые отношения на новые ситуации. То, как это происходит, великолепно демонстрирует заявление, сделанное Морисом Торезом в 1954 году. Он наделяет коммунистическую партию представлениями и чувствами, насыщенными патристическим духом, и делает из революционеров наследников традиции. Все исторические личности воскрешаются в сплетении тяжелых метафор доблестной истории:

«Мы вернули Жанне д'Арк, — пишет он, — догматической пастишке, преданной королем и осужденной Церковью, ее истинный облик, который был искажен реакцией, как мы вернули ее истинный смысл «Марсельезе», революционной песне гольфы из Вальми и добровольцев Второго года. У нас единое красное знамя надежд с трехцветным знаменем наших предков»¹⁰⁴.

Внушающая сила подобного языка происходит из того, что он будоражит в каждом члене толпы воспоминания о событиях, верованиях и чувствах, хранимых веками. Все это составляет всеобщее достояние большинства. Даже если оно не осознается, даже если от него отказываются, оно остается основой, созданной историей, — основой нации в этом конкретном примере — и каким-то невидимым образом влияет на наши мнения и действия.

«В каждом из нас, — пишет Дюркгейм, — в различной степени присутствует человек прошлого, это тот человек прошлого, который в силу определенного порядка вещей господствует в нас, поскольку настоящее есть только нечто мало сопоставимое с тем длительным прошлым, в ходе которого мы сформировались и результатом которого мы являемся¹⁰⁵».

У Ле Бона, Тарда и Фрейда были аналогичные высказывания, поскольку одной из наиболее устойчивых гипотез психологии масс является утверждение о том, что в жизни народа, религии, группы ничто не утрачивается, а все или почти все лишь принимает иные формы. Это объясняет, почему, когда обращаются к толпе, нужно отбирать слова, которые из потаенных уголков памяти вызывают идеи, образы, чтобы их восстановить, извлекая из глубинных недр. Так, Жорж Марше утверждает, что социалистическое общество, которое желает построить коммунистическую партию, «как раз и будет голубым, белым и красным¹⁰⁶».

Сами по себе такие слова, запечатлевающиеся в сознании фрумулировки типа: «Франция — французам», «тонкие против толстых» — возрождают вокруг видимых толп другие — невидимые, скандальные, порой неведомые. Эти воскресшие фантомы «как по нажатую кнопку» оказывают громадное давление, противостоять которому невозможно.

«Бесконечно более многочисленные, чем живые, — утверждает Ле Бон, — мертвые также бесконечно более могущественны, чем они. Они господствуют в огромной сфере бессознательного, той невидимой сфере, которая держит под своим контролем проявления ума и характера... Ушедшие поколения определяют не только нашу физическую конституцию, они определяют также и наши мысли. Мертвые являются единственными непрерывными наставниками живых¹⁰⁷».

Они также представляют собой связующее звено нашего языка, ведь именно они воскрешаются словами, вызванными в образах, — Жанна д'Арк, домремийская пастушка, голытьба второго года и т. п., — которые стихийно возникают вновь и настоятельно заявляют о себе. Итак, вождь должен обращаться к человеку прошлого в человеке, изобретать язык, предназначенный для того, чтобы возбудить толпы, сплотить их, увлечь способных размышлять к заранее поставленной цели. Если он желает сохранить над ними психологическое господство, он должен постоянно расширять свою речевую палитру, ее подсознательную

основу, затрагивая новые верования, новые сферы коллективного воображения, доходя до глубинных слоев предания. Таковы были, помимо прочих, Наполеон и Сталин, соединившие давнее наследие революций и народных слоев с наследием отечества, империй, царей, а первый — и с наследием религий. С того момента, как для этих речей не находится больше мастера, виртуоза, способного их обновить, они утрачивают свое господство. Это наблюдалось во Франции сразу после генерала Де Голля. Тогда толпы слабеют день ото дня и рассеиваются, почти не оставляя следа.

VI

Подведем итоги. Существуют два и только два типа мышления, предназначенные для объяснения реальности: первый нацелен на идею-понятие, второй — на идею-образ. Первый действует по законам разума и доказательств, второй вызывает к законам пачматии и внушения. Первый присущ индивиду, второй — массе. Было бы глубоко ошибочным пытаться убедить и увлечь массы с помощью приемов, предназначенных для отдельных людей, подобно тому, как ошибочно было бы пытаться использовать для построения государственного бюджета те же правила, по которым строится семейный бюджет.

«Логические умы, — упрекает Ле Бон тех, кто совершает эту ошибку, — привыкшие к цепочкам строгих суждений, обращааясь к толпам, не могут удержаться от использования этой формы убеждения и неизменно удивляются недостаточному эффекту своей аргументации¹⁰⁸».

Они могли избавить себя от такой неожиданности в том случае, если бы прибегли к поражающим воображение образам и при этом обращались бы к ним достаточно часто. Так, Морис Баррес упрекает «крупную семитскую буржуазию», которая заставляла «голодать тысячи трудящихся¹⁰⁹». Или же Морис Тореэ пишет, что «14 июля — это праздник нации, внутренне примиренной и объединенной против двух сотен семейств¹¹⁰». Две сотни семейств, семитский банк — это колоритнее, чем капиталисты или буржуа.

Не следует думать, что Ле Бон побуждает умышленно и на основе холодного расчета манипулировать толпами. Это противоречило бы его намерениям и данным науки: толпу не склонить к идее, если она сама к ней не склонна, не заигноризирована ею. Он утверждает на основе наблюдения, которое считает вполне

строгим, что иным образом обращаться к массе нельзя. Начинать какую-либо коллективную деятельность по образцу индивидуальной бесполезно и даже опасно. Это значит упустить из вида данный тип мышления, его психологическую природу. Это значит подходить к массе, по существу, не как к массе. Именно это делает массу апатичной вместо того, чтобы ее мобилизовать. Ее законы невозможно обойти. Они так же строги, как законы экономики или физики. И из этих законов следует, что искусство управлять массами — это искусство управлять их воображением.

Власть сильных мира сего зиждется на этом воображении. Именно воздействуя на него, могут функционировать великие религии и свершаться исторические события — христианство, буддизм, Революция, Реформация, а в наше время — социализм. Никто, даже «наиболее деспоты» никогда не могли править, не считаясь с воображением. И они всегда способствовали его возбуждению своими торжественными речами, фантастическими легендами, своими блистательными сражениями. Вспомним Наполеона, а также Черчилля или Мао. Сделаем вывод этой главы словами Ле Бона:

«Власть — это искусство производить впечатление на толпы означет владеть искусством управлять ими»^{III}.

Гитлер шел в след за французским психологом и передавал его мысль такими словами:

«Искусство пропаганды состоит в том, чтобы, примерясь к уровню понимания тех слоев, среди которых работает воображение, слоев широких масс, ведомых инстинктом, пропаганда в надлежащей психологической форме находила пути к их сердцу».

И он превозносит «использование образа во всех его формах», поскольку тем самым «человек должен еще меньше напрягать свой рассудок; ему достаточно всего-навсего посмотреть и прочитать самые короткие тексты». Биографы Гитлера сообщают нам, что именно применению этого принципа он был обязан завоеванием власти и своим господством над немецким народом.

Таким образом, для Ле Бона век толп — это век воображения, и в нем господствуют благодаря воображению. Живя в эпоху, не знавшую ни кино, ни телевидения, он объясняет, как повседневно используемый язык может быть инструментом такого господства. Поскольку повторяемые слова и формулировки пробуждают и оживляют в нас целый мир образов, которые мы видим, как говорится, внутренним взором. Сколь бы удивительно

ни было это могущество, оно между тем ограничено. Помимо всего прочего, слова и формулировки являются всего лишь заменителями образов. Непосредственно представленные, они обладали бы гораздо большей властью:

«Слова воскрешают психические образы, — пишет он, — но еще могут оживить образы, представленные наглядно»¹¹².

Он, конечно, имеет в виду образы своего времени: афиши, фотографии, театральные спектакли. Важная и полезная задача состоит в том, чтобы найти средства производства и распространения таких наглядных иллюзий, дабы впечатлять и увлекать толпы. Эта интуитивная догадка Ле Бона не перестает подтверждаться. С тех пор мы умножили число тех материальных инструментов, которым он дал теоретическое обоснование в своем предвидении. Появление средств коммуникации, без сомнения, и об этом часто говорится, экономические и технические причины. Но, однако, они с самого начала были созданы специально для того, чтобы волновать массы, воздействовать на них, и, по сути, предназначены для их серийного производства. Когда анализируется эволюция средств коммуникации, отмечается, что она проходила в два этапа: вначале усиление выразительных возможностей слов посредством радио, а затем непосредственное порождение образов через кино и телевидение.

От одного этапа к другому наблюдается непрерывный прогресс. Полвека кино, телевидения, комиксов, политических плакатов, рекламных объявлений материализовали и, собственно говоря, подтвердили то, что в зачаточном состоянии присутствовало уже в разработках психологии толп. На протяжении одного поколения был совершен переход от культуры слова к культуре более могущественных «наглядных образов». Следует сказать, что, подобно тому, как книгопечатание создало базу критическому мышлению, радио и телевидение за этот короткий промежуток времени обеспечили автоматическому мышлению техническую базу и мощь, которую трудно было предвидеть. Средства коммуникации сделали его историческим фактором. И этот фактор будет иметь место, пока существует массовое общество.